
О РУКОПИСНОМ АЛЬМАНАХЕ ЛЕЗГИНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII—XIX ВЕКОВ ИЗ СЕЛА КИРИ

Ф.Р. Нагиев

Кафедра литературы

Дагестанский государственный педагогический университет
ул. Ярагского, 57, Республика Дагестан, Россия, 367003

О высоком литературно-художественном уровне лезгинской поэзии XVIII—XIX вв. свидетельствует рукописный альманах из села Кири со стихами на лезгинском, тюркском и арабском языках. Стихотворные тексты альманаха представляют отличный материал для исследования, как лезгинского языка, так и лезгинской поэзии и просолодии.

Ключевые слова: арабы, лезгины, поэзия, рукопись, альманах, тюркский, Етим Эмин.

Становление горских культурно-исторических традиций уходит во времена Античности. Конечно же, развитие и совершенствование этих традиций прерывалось бесконечными нашествиями различных завоевателей (скифов, массагетов, римлян, гуннов, хазар, персов, арабов, тюрков и т.д.) и затормаживалось на определенное время. Но, адаптируясь к изменившимся условиям и вбирая в себя волны новой культуры, создавался некий симбиоз культур — традиционной и новой, просветительство возрождалось вновь.

В своем духовном развитии до принятия ислама народы Восточного Кавказа прошли через различные формы язычества (поклонение солнцу и луне — раизм и лунизм, огнепоклонство — алпанизм) и христианство. Как свидетельствуют найденные грузинским ученым З. Алексидзе в монастыре Святой Екатерины на Синае более 300 страниц палимпсестов, уже в начале IV в. на территории Кавказской Албании была развита церковная культура [1]. Восставший против персидского господства в 459—462 гг. албанский царь Ваче после поражения, отказавшись от престола, полностью посвятил себя служению Богу. Армянский архиепископ Гют в своем письме называл его человеком, «...кто смело вошел в дебри наук — искусства исчисления, геометрии, астрономии, медицины, а затем дошел до самых высот пророческих, апостольских и евангельских книг, в которых само начало и исход...». «Ты же уподобился Солнцу: через Отца стал могущественным, через Сына — бесстрашным и через Духа Святого — озаренным. Ты видим ночью, и днем исходят лучи твоей веры...» [2. I, 11].

И Вачеган III Благочестивый, брат Ваче, был мужем «великой доблести, мудрым, рассудительным, благочестивым и Богом венчанным» для урегулирования гражданских прав и отношений он созвал Албанский Собор [2. I, 26].

О развитии в Албании церковной и исторической литературы находим много сведений в трудах албанских историков Моисея Дасхуранви, Моисея Каланкатуйского, Михитара Хаша, Хетума Патмича, Степанноса Орбели, Макара Бархударя и др.

Нашествие арабов способствовало разделу Албании по реке Кур на две части — на южную христианскую и северную мусульманскую. В результате распада албанского царства и последующих исторических событий области и княжества Албании оказались в составе разных государств (Армении, Азербайджана, Грузии, России). Сегодня на культурно-историческое наследие Кавказской Албании претендуют эти же государства.

В северной части Албании культура и просвещение развивались уже в симбиозе с местной христианской культурой (хотя и с некоторыми сохранившимися языческими традициями) и новой исламской идеологии. Образование и просвещение в тех условиях продолжилось на основе арабского письма.

Наглядным примером письменной культуры на основе арабской графики «аджам», приспособленной к дагестанским языкам, и высокого литературно-художественного уровня лезгинской поэзии XVIII—XIX вв. свидетельствует рукописных альманах со стихами на лезгинском, тюркском и арабском языках [3; 4].

По свидетельству языковеда профессора Р. Гайдарова, в чьем архиве уже более 70 лет покоится этот альманах, рукопись все годы хранилась в их семье в селе Кири Курахского района. Но, к великому сожалению, за столько лет эта рукопись не была издана. В результате ненадлежащего хранения передняя обложка и более половины страниц утеряны, многие листы разорваны, а уцелевшие ломаются в руках. Сохранилось лишь 308 страниц.

Даже в таком виде альманах представляет собой внушительный рукописный фолиант. Судя по сохранившейся обложке, рукопись из листов размерами 22 × 18 см с оттиском бумажной фабрики Рязанцевых была вставлена в кожаный переплет. Переплет и прошивка рукописи распустились, листы в разобранном состоянии, часть листов пропала, сохранилось лишь 154 листа с рваными краями, некоторые из них наполовину разорваны. Из твердой обложки рукописи сохранилась лишь передняя, а от задней обложки осталась лишь треть. Все произведения альманаха написаны от руки арабским письмом «аджам». Для письма использованы черные чернила и традиционное камышовое перо. Возможно, в целях экономии бумаги первоначальная компоновка произведения была нарушена: позже все свободные поля страниц заполнялись новыми произведениями. Из-за нехватки места отдельные части произведений переносились на свободные места других страниц, поэтому строфы некоторых сочинений оказались разбросанными по разным страницам. Это затрудняет процесс собирания, восстановления и атрибутирования произведений. Судя по разным почеркам с разным наклоном, которыми заполнены свободные участки всех страниц, стихи записывались разными лицами — как самими авторами, так и переписчиками.

Учитывая тот факт, что на некоторых страницах (лишь на четырех) встречаются даты, альманах составлялся в течение долгого времени. Вот эти даты (по хиджре): 19-я страница 1261 г. (1840 г. от рожд. Христова), 117-я стр. 1287 г. (1866 г.), 169-я стр. 1302 г. (1881 г.), 278-я стр. 1304 г. (1883 г.).

Из-за того, что даты не согласовываются со временем сочинения известных из других источников произведений, можно заключить, что эти даты относятся

к другим событиям (наступлению месяца поста рамазан, выдаче налогов — закятов для мечети и проч.)

По мнению Р. Гайдарова, рукопись начата не позднее 1840 г. В 1840—1883 годах она находилась у одного человека (судя по записям о постах и закятах, он должен был быть служителем мечети). Из числа сочинений до 19-й страницы семь произведений принадлежат Етому Эмину. На основании последнего факта Р. Гайдаров подвергает сомнению дату рождения Етима Эмина — 1838 г. Ученый утверждает, что «человек, сочинявший стихи до 1840 и известный поэт Етим Эмин, не мог родиться в 1838 году. В 1840 году ему, по крайней мере, было лет 25» [5].

Но тут исследователь упускает их виду следующее. Исходя из того, что значительная часть рукописи утеряна, выводы о датировке событий, отраженных в рукописи, нужно делать весьма осторожно, после тщательного исследования и анализа. Эти даты могут и не отражать действительную хронологию составления альманаха (рукопись могла начинаться и гораздо раньше; позднее сюда могли быть вписаны также сочинения известных в то время, но давно ушедших поэтов). Стихи Етима Эмина и некоторых других поэтов также могли быть вписаны туда позднее.

В аджаме пунктуация совершенно не использована, что дает повод для разночтений. Такое положение также приводит к трудностям в понимании и толковании текста. Много также и орфографических ошибок, приведших к искажению слов, к трудностям выявления исконного слова. Местами слова совершенно непонятны. Принятие правильного решения остается за читателем, интерпретатором, исследователем.

В альманахе сохранилось все 463 произведения, представляющие 97 авторов (94 мужчины и 3 женщины). Среди них стихотворения поэтов XVIII—XIX вв. как широко известных (Етима Эмина, его брата Мелика, Рухуна Али и их современника Эрзихана), так и малоизвестных (Гамзата, Саида, Тахмеза, Жамала, Гюль-Пери, Майтаб-Ханум, Саяд-Пери).

О чем говорят тексты альманаха?

Произведения лезгинских авторов географически разбросаны по обширной территории Лезгистана: Шамаха — Куба — Ахцах (Хнов и Хутхул) — Кюра (Мамрач, Рухун, Зердаг и Яркинские магалы) и т.д. Альманах свидетельствует об уровне просвещения населения: на территории в несколько тысяч квадратных километров и населением приблизительно до полумиллиона человек встречается 97 поэтов, в том числе три женщины. Известно, что в XVIII—XIX вв. в Южном Дагестане действовало более тысячи медресе, где наравне с детьми из богатых семей учились и дети простых тружеников.

Среди стихотворений альманаха наряду с произведениями на лезгинском языке и его диалектах, наречиях и говорах встречаются также сочинения на арабском и тюркском языках. Анализ этих произведений показывает, что в XVIII—XIX вв. лезгины не только отлично владели арабским и тюркскими языками, но и создавали на этих языках высокие образцы поэзии и писали ученые сочинения. (Как яв-

ствуется из сочинений албанских историков, в эпоху Кавказской Албании и после ее распада лезгины писали на персидском, армянском, тюркском, арабском, лезгинском языках.)

Почти во всех лезгинских текстах обильно использованы арабские, тюркские, персидские заимствования. Значения некоторых слов (даже лезгинских) в наше время уже непонятны. В этом отношении альманах служит банком лексики лезгинского языка.

Судя по языку произведений лезгиноязычных авторов (цахуров, рутулов, агулов), писавших на лезгинском языке, уже в то время все авторы стремились к некоему эталону лезгинского литературного языка (близкому к яркинскому и кюринско-гюнейскому диалектам), т.е. шел процесс формирования единого литературного языка. Анализ произведений альманаха дает ответ также на вопрос о том, почему в основу лезгинского литературного языка был положен именно кюринский язык (языковеды называют его гюнейским диалектом, а Услар — кюринским языком) [6; 7. С. 7]. Тексты альманаха представляют отличный материал для исследования как лезгинского языка, так и лезгинской поэзии и просодии.

Процесс естественного этногенеза около 10 лезгинских народов и формирования общелитературного языка был искусственно прерван разделением лезгин на малые народы.

В сочинениях авторов альманаха встречаются имена многих известных людей того времени. Среди них Гаджи Исмаил эфенди Яраги, Насан эфенди Алкадари, Гаджи Абдурахман эфенди Сарутупрахи, Кази эфенди Алкадари, Кепир Гаджи-Мурад, мала Аслан, наиб Али, шейх Джамалдин Казикумухи и др. Исследователям еще предстоит уточнить и выяснить роль неизвестных авторов в истории и культуре того времени и составить реальный комментарий к альманаху.

Альманах может оказать неоценимую помощь исследователю-текстологу в выявлении искажений и ошибок, в определении авторства ряда спорных произведений, в том числе и Естима Эмина. Зачастую, судя по нисбе (псевдониму), известное нам стихотворение в альманахе приписывается не знакомому нам по официальным изданиям автору, а совершенно другому. Одним из признаков при атрибуции произведений служат контекст и нисба (псевдоним) автора, но во многих случаях псевдоним или отсутствует, или один и тот же автор пользуется несколькими псевдонимами, или разные авторы пользуются одним псевдонимом; поэтому вопросы атрибуции и аттезы таких произведений усложняются.

Среди произведений альманаха встречаются 304 текста на тюркском, 133 на лезгинском (22 автора), 8 на арабском, 1 текст на табасаранском (Зердаг Гаджи Саид) языках.

Более 250 из числа стихотворений на тюркском языке сочинены лезгинами, среди них Ахцах Гаджи Абдуллах, Ахцах Рамазан, Ахмед (25 стихов), Гельхен Ахмед (11), Етим Эмин (11), Кеан Агамирзе, Мискич Курбан, Мазали Али, Мамрач Таги, Мирзе Али ал Ахты, Рачаб, Тагир (11) Хиневи Эмин, Хутхулви Магоменд Эмин, Ялцег Халил и др. Авторами остальных стихов на тюркском языке являются Ашуг Керем (40 стихов), Вагъиф (6), Насими (2), Саади (2), Физули (1), Шах-Исмаил (4).

Арабские стихи в альманахе представлены двумя авторами: сочинявшим на нескольких языках Ихрек Рачабом (рецепты на арабском языке от четырех болезней) и Кочхур Магомедом (сочинение о причинах солнечного и лунного затмений). А среди лезгинских стихотворений встречаются 54 стихотворения Етима Эмина (под псевдонимами *Етим Эмин*, *Эмин*, *Етим*, *Етим Саил*, *Кази*, *Етим кази* (*Сирота кази*), *Устад кази* (*Мастер кази*)); 24 сочинения Мелика (псевдонимы: *Етим Мелик*, *Мелик кази*); 9 стихов Абдуллаха (*Абдуллах* и *Хаджи Абдуллах Ахты*); 9 стихов Рухун Махмуда; 9 стихов под псевдонимом *Кази* — мужское имя, или же *кази* (судья) (Эмин и его брат Мелик использовали одинаковые псевдонимы *етим* «сирота» и *кази* «судья»); 9 стихов Эрзихана; по 2 стихотворения Гамзата, Саида, Тахмеза; по одному стихотворению Жамала, (Рухуна) Али, Саядпери [3; 4].

Анализ произведений альманаха подтверждает нашу мысль о том, что некоторые приписываемые Етому Эмину и постоянно включаемые в его поэтические сборники произведения по целому ряду причин поэту не принадлежат, т.е. в числе стихотворений в официальных изданиях Етима Эмина оказались и сочинения других авторов. По этой причине еще в 2002 г. подобные сочинения были помещены нами в раздел дубиа [8. С. 276—292; 9].

Произведения, не принадлежащие Етому Эмину (несмотря на наши исследования по атрибуции эминовских произведений) вошли в последний сборник Етима Эмина «Светильник души», изданный дагестанским книжным издательством к 170-летию со дня рождения поэта [10].

Стихотворения «Я стхаяр, заз са гуьзля авай...» («О братья, красивая возлюбленная у меня была...» — чей-то неудачный перевод с тюркского), «Агь, ширин мез, гуьрчег къамат, килиг заз!...» («О сладкоречивые уста, красивое обличье, посмотри на меня!...» — возможно, перевод Етима Эмина или Етима Мелика), «Десте-десте, сейрандавай рушаркай...» («Среди девушек, гуляющих гурьбой...» — с тюркского перевел Г. Садыки), судя по характерной для них высокой патетике, по царскому отношению к возлюбленной, судя по языку, принадлежат Ялцуг Эмину [8. С. 276—292].

Проблема датировки и локализации произведений возникает при атрибуции неизвестных или спорных произведений, исследовании вопросов хронологии, составлении реальных комментариев, выполнении других исследовательских и издательских задач. По нашему мнению, при издании произведений Етима Эмина правильнее было бы руководствоваться жанрово-хронологическим принципом, а не сгруппировывать их по жанрам и циклам или же располагать, соблюдая лишь хронологию. Хотя поэт не датировал свои произведения, время создания одних угадывается по идее и контексту, а других — по отдельным ориентирам (привязке к известным в то время лицам, событиям, фактам) [8. С. 269—270].

Например, если время создания стихотворения о восстании 1878 г. или посвященные Гасану Эфенди в связи с назначением его наибом и т.д. угадывается по событиям, которые там отражаются, то дату стихотворения «Накъян йифиз, валлаги, зун...» («Вчера ночью, честное слово, я...») можно установить по тому, что поэт называет себя в этом стихотворении «Кеанским Юсуфом» влюбленным в Зу-

лейху. Вероятно, стихотворение сочинено Эмином до замужества его возлюбленной Туквезбан, после окончания им Кеанского медресе (скорее это время учебы в Ярагском или Ага-Каранском медресе в 1858—1857 гг.) Здесь следует сказать, что под Кеанским Юсуфом Эмин подразумевал не конкретно «Юсуфа Ханаанского», как комментируют составители сборника 2008 г., а себя, обучающегося в Кеанском медресе и влюбленного, как Юсуф.

Альманах позволяет по-новому взглянуть и на проблему названий произведений Етима Эмина. Даже в изданиях одного и того же составителя названия меняются. Достаточно посмотреть на фрагменты сохранившихся рукописей Етима Эмина, а также на записи произведений в упомянутом рукописном альманахе из Кири, чтобы убедиться в том, что в то время авторы свои произведения не озаглавливали. Учитывая, что названия произведения давались собирателями или составителями во время их подготовки к публикации, правильнее было бы называть их по первому стиху первой строфы [8. С. 270—275].

Произведения авторов альманаха должны стать достоянием всей читающей публики. Поэтому особое значение приобретает проблема перевода этих произведений на русский и другие языки. В случае с Етимом Эмином к переводу его произведений нужно подходить с учетом дубиальных сочинений в сборниках поэта и найденных в последнее время новых его произведений. По возможности диалектные особенности эминовского языка нужно сохранить. В языке Эмина, кроме изящества и колорита его словаря, живет и хранится история и дух его времени.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексидзе З.* Предварительное сообщение об идентификации и дешифровке албанского текста, обнаруженного на Синайской горе // *Материалы международной научной конференции «Этнокультурное наследие Кавказской Албании.* 21—22.05.2002, Баку.
- [2] *Каланкатуйский Моисей.* История страны Алупан: В 3 книгах / Пер. с др. арм.: Патканов К. («История агван Моисея Кагаткатваци»). — СПб., 1861; *Смбатян Ш.В.* (Каланкатуаци Мовсес «История страну Алуанк»). — Ереван, 1984.
- [3] Рукописный альманах лезгинских поэтов XVIII—XIX вв. (архив Р. Гайдарова) (На аджаме).
- [4] Рукописный альманах лезгинской поэзии (XVIII—XIX вв.) из Кири. — Махачкала: Лотос, 2008 (На лезгинском языке (на аджаме и кириллице)).
- [5] *Гайдаров Р.* Первый альманах лезгин // *Лезгинская газета.* — 23.01.1993. — С. 4—5. (На лезг. яз.).
- [6] *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VI в. Кюринский язык. — Тифлис, 1896.
- [7] *Мейланова У.А.* Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. — Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1970.
- [8] *Нагиев Ф.Р.* Етим Эмин. Путь к истине. — Махачкала: Деловой мир, 2002.
- [9] *Етим Эмин.* Вил атГудач дуйнадихъай... (Не наглядеться на мир). Стихи. — Махачкала: Даггиз, 1995. (На лезг. яз.)
- [10] *Етим Эмин.* Светильник души (Стихи. Переводы. Статьи). — Махачкала: Даггиз, 2008 (На лезг. яз.)

**ABOUT HAND-WRITTEN ALMANAC
OF LEZGHIN POETRY XVIII—XIX CC.
FPOM WILLAGE KIRI**

F.R. Nagiev

Dagestan State Pedagogical University
Yaragskogo str., 57, Makhachkala, Russia, 367003

About high literary-art level of lezghin poetry XVIII—XIX cc. explosive hand-written almanac from village Kiri whith verses on lezghin, Turkic and Arabian testifies languages. Poetic texts of almanac excellent material for studying as lezghin language, so and lezghin poetry and prosody.

Key words: arabs, lezghins, poetry, manuscript, almanac, turk, Etim Emin.